



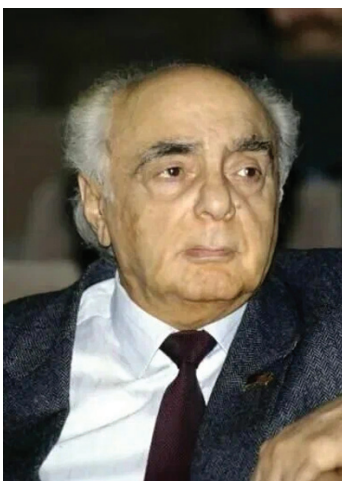
100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г.Х. ШАХНАЗАРОВА — ОСНОВАТЕЛЯ ПОЛИТОЛОГИИ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Макаренко Г.И.¹

Четвертого октября 2024 года исполняется 100 лет со дня рождения Георгия Хосроевича Шахназарова — ученого, политика и основателя политологии в Советском Союзе, а также крупного политолога России.

Биография Георгия Хосроевича типична для российского патриота: в годы войны он командовал взводом армейской пушечно-артиллерийской батареи, окончил войну в Кёнигсберге. После демобилизации поступил и в 1949 г. закончил юридический факультет государственного университета в Баку, затем в 1952 г. — аспирантуру Института государства и права АН СССР и в том же году защитил диссертацию, затем работал в журналах Политиздата, а с 1964 г. уже работал в Международном отделе ЦК КПСС. К сфере его ответственности с 1972 г. относились вопросы отношений с Германской Демократической Республикой, Польской Народной Республикой, Чехословацкой Социалистической Республикой, Республикой Куба. Был инициатором создания, а в 1973 г. возглавил Советскую ассоциацию политических наук. В 1988 г. назначен помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, а позже — советником Президента СССР Михаила Горбачёва.

DOI: 10.24682/2226-0692-2024-3-2-3



Г.Х. Шахназаров

В 1992 г. Георгий Хосроевич возглавил Центр глобальных проблем Горбачёв-фонда, где интенсивно занимался научной работой — выработкой концепции нового международного порядка. В 1922 г. подготовил большую монографию «Цена свободы», которую в начале 1993 г. поручил издать мне. Позднее им было написано еще несколько монографий. Георгий Хосроевич любил общаться с молодежью, обсуждать существующие проблемы с представителями технических профессий и написал несколько научно-фантастических рассказов и повестей.

Мое знакомство с Георгием Хосроевичем состоялось в 1992 г. Владимир Николаевич Соколов, в ту пору главный редактор еженедельника «Век», предложил мне сотрудничество в сфере издательской деятельности. Это предложение было обусловлено тем, что он был осведомлён о моём предыдущем опыте издания политической газеты «Гражданский вестник». В тот период я занимал должность Генерального директора научно-производственного объединения «Телетраст», где мы вместе со швейцарскими акционерами готовили проекты в области спутниковой связи.

Кроме того, Соколов знал, что я начинал в молодости учиться в полиграфическом институте и практику проходил на фабрике «Детской книги» — вероятно, единственной в СССР 1962 г. цветной типографии.

Первой книгой, которую принес Соколов, была книга «Цена свободы» Георгия Хосроевича Шахназарова.

Мы отправили рукопись на редакторскую и корректорскую обработку, а затем я как Генеральный директор выпускающего издательства захотел обсудить детали выпуска с Георгием Хосроевичем. Дело было в конце октября 1992 г., когда уже было довольно мокро и холодно по ночам. Я ему позвонил и напомнил о намеченной встрече в фонде. Он сказал, что готов, но вот беда — у него не заводится машина: новая Волга ГАЗ-24, которую он купил после перехода в фонд Горбачёва. Тогда услуги такси в Москве были не

¹ Макаренко Григорий Иванович, шеф-редактор журналов «Мониторинг правоприменения» и «Правовая информатика», Москва, Россия. E-mail: t7920518@yandex.ru

развиты. Я предложил ему, что подъеду и заведу ему автомобиль — он мне не поверил, сказал, что даже водители из гаража ЦК не смогли завести. Я не стал спорить, предложил: если не заведу, то отвезу и привезу на своей машине — не откладывая же решение об издании книги. На том и порешили. Я приехал, Волгу, разумеется, завел — дело было в окислении контакта бегунка, который я почистил монеткой и рекомендовал заменить контакт трамблера в течение недели. Это произвело на Георгия Хосроевича заметное впечатление. Мы приехали в фонд на Ленинградском проспекте, обсудили издание книги и всё согласовали.

Спустя некоторое время мы передали книгу в тираж — это было издательство «Зевс», которое на своих мощностях в начале 1993 г. отпечатало книгу тиражом 5000 экземпляров.

С издания книги «Цена свободы» началась моя дружба с Георгием Хосроевичем.

Спустя некоторое время Георгий Хосроевич пригласил меня на дачу. Это была довольно скромное строение, в котором он жил с супругой, Анной Григорьевной. На стенах висели картины — как оказалось, это были работы его сына, Карена, в ту пору уже известного кинорежиссера. Быт был довольно скромный, как и сам Георгий Хосроевич, в общении доброжелательный. Я относительно часто общался с сотрудниками ЦК КПСС (оборонный отдел), так как до 1989 г. работал заместителем Главного конструктора и руководил разработкой программного обеспечения, а также наземными испытаниями бортовой системы управления и посадки многоцелевого космического самолета «Буран»²; по субботам в оборонном отделе ЦК КПСС мы докладывали о ходе работ, и я ожидал увидеть гораздо более строгое общение и шикарное жилище.

Мы обсуждали с ним множество проблем, беседы были мне крайне интересны. Подозреваю, что и ему были интересны эти беседы как с человеком совсем другой профессии, связанной с бортовой техникой и кибернетикой. Вообще Георгия Хосроевича отличало жизнелюбие, ему было интересны и другие профессии, отличные от политологии. Это отразилось и в его творческой деятельности, в частности, в книге «Нет повести печальнее на свете» (о любви математика и гуманитария, языки которых с развитием специальной терминологии стали настолько различаться, что общались они с помощью киберпереводчика). Иногда я приезжал к нему с

сыном, который тогда еще учился в университете на кафедре вычислительных машин. На даче фактически постоянно жили Георгий Хосроевич с Анной Григорьевной. Позже Анна Григорьевна дала мне прочитать написанную ею пронзительную автобиографическую повесть с названием «Мы русские», которая была издана небольшим тиражом³.

Наши последние встречи в 2000 г. коснулись, в частности, вопроса аспирантуры моего сына, который к тому моменту ее уже закончил (кибернетика), но не видел перспектив защиты: в стране рушилась вся промышленность, она считалась ненужной — есть нефть, мы всё купим. Георгий Хосроевич предложил моему сыну идти к нему аспирантом по юриспруденции, что его очень смутило — идти из кибернетиков в юристы, но Георгий Хосроевич считал это преимуществом — быть не только юристом, но и специалистом в другой области. Любопытно, что сын в 2010 г. организовал Национальную юридическую фирму, работающую на кибернетических принципах, а через 20 лет после беседы с Георгием Хосроевичем написал диссертацию по юриспруденции.

В 2001 г. Георгий Хосроевич вновь вернулся к теме распада СССР, и в издательстве «Вагриус» вышла книга его воспоминаний «С вождями и без них»⁴, в которую вошли страницы из книги «Цена свободы», переосмысленные за прошедшие почти 10 лет. К этой книге он написал эпиграф-посвящение «**Моим внукам — в порядке передачи опыта**».

В рецензии на эту книгу, опубликованной в еженедельнике «Век», Анатолий Черняев⁵ написал «... **речь идет о редкостной по своим интеллектуальным и душевным качествам личности, причастной к рубежу эпох. И последнее. Возникает ощущение, будто автор прощается с читателем, предостерегая и напутствуя тех, кто будет жить после него в России, которую он бесконечно любил**».

В 2001 г. он планировал передавать свой опыт молодежи, был назначен деканом юридического факультета университета, был полон творческих сил, но 15 мая 2001 года после выступлений на научной конференции в Туле скончался на пути в Ясную Поляну.

Я счёл своим долгом собрать воспоминания лиц, с которыми он работал.

К сожалению, многое утрачено, но я сделал всё, на что хватило сил.

² Многоцелевой космический самолет (МКС) «Буран» был создан под руководством генерального конструктора Глеба Евгеньевича Лозино-Лозинского. Впервые в мире МКС «Буран» — семидесятитонная машина — совершил автоматическую посадку 15 ноября 1988 года, после чего по указанию Горбачёва было прекращено дальнейшее финансирование, а отряд лётчиков-испытателей под руководством И.П. Волка расформирован.

³ В 2024 году издательство «Проспект» выпустило вторую редакцию этой книги с несколькими измененными реквизитами: Шахназарова (Шапкина) Анна Григорьевна, «Мы — русские», 312 стр.

⁴ В книгу «С вождями и без них» вошли многие страницы из книги «Цена свободы». Новая книга была прекрасно издана благодаря Глебу Успенскому, в ту пору генеральному директору издательства «Вагриус».

⁵ Анатолий Сергеевич Черняев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, затем — Президента СССР по международным делам М.С. Горбачева (1996—1991).



Г.Х. ШАХНАЗАРОВ: «ЮРИСТЫ БУДУТ НУЖНЫ ВСЕГДА»

Батурин Ю.М.¹

DOI: 10.24682/2226-0692-2024-3-4-6

Георгий Хосроевич Шахназаров — один из моих Учителей. Юрист по диплому, он занимался больше политологией и фактически стал одним из основателей этой науки в Советском Союзе и, следовательно, в России. Многолетнему президенту Советской ассоциации политических наук, первому вице-президенту Международной ассоциации политических наук, ему повезло все свои знания, в первую очередь политические и юридические, применить в драматически трудные времена на крупном государственном посту помощника президента СССР, позднее — Государственного советника СССР.

Но он был не только высококлассным юристом и блестящим знатоком политической науки. Георгий Хосроевич поражал и привлекал своей разносторонностью: по совместительству с работой у М.С. Горбачева заведовал сектором теории политических систем и политических отношений Института государства и права АН СССР (именно в ИГПАНе я и попал под его научное руководство, профессиональное попечение и отеческую опеку многоопытного человека), член-корреспондент Академии наук (если бы не основная работа, где всегда попридерживали таких, как он, — стал бы академиком), лауреат Государственной премии СССР, автор фантастических романов. Он публиковал их под псевдонимом Шах. Суровые правила работы в аппарате ЦК КПСС, видимо, не позволяли, чтобы серьезный чиновник на ответственном посту занимался еще и какой-то там фантастикой, которой, надо признать, в жизни действительно хватало, даже в избытке. И политологии-то одной более чем достаточно, чтобы подмочить репутацию. Правда, в конце 1980-х годов потеплело, и он смог он издать повести и рассказы под своим именем. Отчасти даже драматург — две его пьесы были поставлены на сцене. Для меня он был совершенно недостижимым образцом. (Однажды, много лет спустя, я обнаружил, что повторил многие достижения

Георгия Хосроевича: побывал помощником президента, стал членом-корреспондентом Академии наук, писал беллетристические книги, опубликовал одну пьесу. Правда, ею ни один театр не заинтересовался). Но в те далекие времена Г.Х. Шахназаров стал для меня примером человека универсального, полимата, который очень многого достиг во разных областях.

Мощный и нестандартный ум всегда привлекал меня в нем. Я получал настоящие уроки культуры мышления, когда наблюдал, как он наговаривает стенографистке почти без шероховатостей текст, отрывается на звонок, дает ответ, тут же мгновенно набрасывает требуемые тезисы документа, правит срочную бумагу, затем возвращается к диктовке с прерванной фразы, никогда не теряя нити рассуждений. Реакция его была мгновенна и точна.

Себя Георгий Хосроевич характеризовал как армянина по происхождению, русского по культуре и мироощущению, социал-демократа по убеждениям, юриста по образованию, политолога по призванию, ученого по складу ума и публициста по профессии. Родился он 4 октября 1924 года в Баку, в семье адвоката. Его отец, принадлежавший к знатному роду Мелик-Шахназарянов («мелик» — князь), стал дипломированным юристом в Петрограде накануне революции. Новый порядок он принял без восторга, но и без враждебности. В Петрограде было голодно, пришлось возвращаться в Баку. А там еще сложнее — коммуна, мусаватисты, дашнаки, англичане, турки... Когда установилась твердая власть, он, чтобы не мозолить глаза дворянским происхождением и не попасть под классовую чистку, поменял в паспорте фамилию просто на Шахназаров. Семья жила небогато, лишние деньги водились редко.

В 1942 году после окончания средней школы Георгий ушел на войну: сначала 6-месячное училище, потом — фронт. Два года до конца войны уча-

¹ Батурин Юрий Михайлович, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН РФ, профессор МГУ, летчик-космонавт, Герой России, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: baturin@ihst.ru

ствовал в боях на Южном фронте, 4-м Украинском, 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском. Командовал огневым взводом, был начальником разведки дивизиона, закончил командиром батареи. После Победы демобилизовался, вернулся в Баку, окончил Азербайджанский государственный университет, юридический факультет, специализировался на теории государства и права. В 1949 году, узнав о массовом (для послевоенного восстановления науки) наборе в аспирантуру академических институтов, приехал в Москву, поступил в аспирантуру ИГПАНа. В 1959 году защитил кандидатскую диссертацию. Затем работал в Политиздате, заведовал редакцией в течение 8 лет. Работал в журналах «Политическое самообразование», «Проблемы мира и социализма». Затем — консультантом отдела ЦК КПСС, международного отдела по связям с социалистическими странами, сначала в качестве консультанта, потом — заместителем заведующего отделом. Затем вновь на два года вернулся в журнал «Проблемы мира и социализма» в роли ответственного секретаря. И опять — в ЦК КПСС: заместитель заведующего 2-го международного отдела (социалистические страны). С 1 марта 1988 года — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Став помощником Президента СССР, пригласил меня своим помощником, по каким-то критериям выделив из научных сотрудников руководимого им сектора ИГПАНа.

Не знаю, почему он выбрал меня в качестве постоянного собеседника. Может быть, проверял на моих (тогда еще не очень опытного юриста, а в основе — физика, инженера, системщика) возражениях и замечаниях свои политические и юридические рассуждения и конструкции. Может быть, ему был нужен совершенно необычный ракурс рассмотрения или просто требовался диалог для развития своей мысли. Во всяком случае, разговоры были доверительные. Видя, что я делаю пометки в блокноте, он разрешил мне, когда я задавал вопросы, даже записывать такие рабочие интервью на диктофон, считая это полезным. Фрагмент нашей беседы 28 декабря 1989 г. о юриспруденции предлагаю читателю.

Ю.Б. Георгий Хосроевич, вы были совсем молодым человеком, когда решили стать юристом. Почему вы избрали именно эту профессию?

Г.Ш. Было внутренне такое тяготение, уже в школе, еще до войны, до того, как ушел на фронт, я очень увлекался тем, что мы сейчас называем политологией или политической наукой. Но поскольку в чистом виде политологии не было, не существовало, даже факультета такого не было, то, естественно, ближе всего был юридический. Кроме того, мой отец был адвокатом, и вполне успешным. Однажды ему довелось совершить практически невозможное: обжаловав смертный приговор нескольким милиционерам, ему удалось доказать, что его подзащитные не принимали непосредственного участия в убийстве. Верховный Суд СССР заменил «высшую меру» раз-

личными сроками заключения. Популярность отца как адвоката выросла неимоверно. Так что в семье я рос в обстановке всякого рода разговоров о судебных делах, о прокуратуре, защите, адвокатуре и т. д. Политических разговоров в доме не вели. Если отец с матерью что-то и обсуждали политическое, то шепотом, чтобы не слышали мы с сестрой. Но я кое-что улавливал. В результате возник интерес к политике и, как следствие, серьезное увлечение классиками политической мысли. Подчеркиваю, оно было всегда со школьных лет, и до сих пор у меня в почете Руссо, Монтескье, Локк, Джефферсон... Интерес подкреплялся тем, что каждый свой дополнительный заработок сверх того, что требовалось для обеспечения семьи, отец тратил на книги.

Ю.Б. В одном из Ваших фантастических произведений 1984 года — «Нет повести печальнее на свете...» — беседуют два литературных героя, и один из них, перечисляя профессиональные кланы, долго не может вспомнить клан юров. Почему? Не случайно, наверное?

Г.Ш. Действительно, абсолютно не случайно, ты прав. Не случайно, потому что когда я писал эту повесть, мне казалось: где-то в отдаленном будущем не должно остаться слишком большого пространства для занятия юриспруденцией. Это было настолько привычное для нас, исходящее из классической схемы того времени представление о том, что государство отмирает, значит, и право тоже отомрет, а, следовательно, в будущем, в каком-то другом мире, в другом обществе (хотя у меня там описывалась антиутопия, а не утопия) не останется особенно места для людей нашей профессии.

Ю.Б. Но в повести вы довольно едко прощлись по клану юров. Это результат юридического образования, опыта, практики, или вы пытались заглянуть в будущее?

Г.Ш. Должен сказать, что у меня двойственное отношение к моей собственной профессии. С одной стороны, вместе с представлениями о коммунистическом будущем, казавшимся нам довольно близким, уж точно не за горами, нам долго и незаметно прививали правовой нигилизм. А с другой стороны, появилось глубокое уважение к этому роду деятельности, которое я сохраняю до сих пор. И мы в последнее время видим, что пришел звездный час юриспруденции, которая фактически у нас всегда была в жутком загоне. Собственно говоря, она не выполняла свою основную функцию, а была служанкой режима.

Жили мы в Баку. Мой отец работал в адвокатской конторе. Образ государственной жизни Азербайджана основывался на всякого рода нарушениях закона, взяточничестве. Было можно всё. И всё делалось с помощью телефонного права (так мы говорим сейчас, тогда у нас и телефонов-то не было, но было давление сверху). И все-таки, когда по каким-либо процессам нельзя было добиться правды в Баку, отец выезжал в Москву. И часто по его просьбам, с его аргументацией удавалось добиться какой-то справед-

ливости по тем или иным делам — уголовным или гражданским. Но позднее это стало сходиться на нет. *Потому что центр, Москва, постепенно давали республикам права, причем не демократическим образом. Они передавались местной верхушке, местному правящему клану.* И становилось только хуже. Потому что найти правду, выйти для этого за пределы республики стало невозможно.

Ю.Б. Что, на Ваш взгляд, важнее всего в правотворчестве? Каким должен быть законодатель?

Г.Ш. Должен сказать, я всегда верил, что это дело таланта и здравого смысла. Прежде всего, при написании законов желательно иметь профессионалов. Но несравненно большее значение, чем юридическая техника, имеет способность к политическому мышлению и обостренное гражданское чувство. А это вещи, которые встречаются во всех слоях общества, у всех людей. И, может быть, даже в этом смысле некоторые непрофессионалы, не юристы, бывают выше.

Я думаю, что законодатель — особая профессия, которая не обязательно должна вербоваться из числа юристов. Она, скорее, должна пополняться из числа политически ангажированных, политически мыслящих людей. Конечно, им необходимо профессионализироваться. Сразу они не смогут сесть и писать хорошие законы. Некоторые, видимо, сами почувствуют, что у них не получается и без всяких претензий уйдут на свои прежние места. В конце концов, лучше быть хорошим инженером или врачом, чем плохо заниматься не своим делом. А какая-то часть будет профессионализироваться. Парламент должен быть профессиональным. А дальше, думаю, все, кто не чувствует в себе достаточно способностей для этой роли и очень предан своей изначальной профессией, — выполнят свою функцию и уйдут, отойдут. Так же, как в свое время сделал Солон — создал законы и отошел. Так и должно быть. А уж впоследствии вырастет племя настоящих парламентариев, профессионалов.

Ю.Б. Георгий Хосроевич, вы — народный депутат СССР. Сейчас юристов среди депутатов не так уж много. Каково отношение парламентариев к депутатам-юристам и каково влияние депутатов-юристов на остальную часть депутатского корпуса?

Г.Ш. Я уже говорил, что сейчас мы переживаем звездный час юриспруденции. Так и должно быть. Раз у нас создается правовое государство, значит право в цене, юристы в цене. Вы помните, что экспресс-оценки, которые на I Съезде с места мгновенно давали К.Д. Лубенченко, А.А. Собчак, А.М. Яковлев, Ю.Х. Калмыков и другие юристы, — были весьма востребованы и крайне полезны. Да и сейчас, конечно, тоже. Может быть, кому-то приелось, что одни и те же лица часто мелькают на трибуне. Но в ситуации, когда возникает какой-то спорный момент, очень нужно, чтобы хороший профессионал дал грамотную юридическую справку. Чрезвычайно важно, чтобы в зале нашелся хороший специалист и вовремя дал бы пояснения, чтобы не пришлось бегать за энциклопедией. Поэтому, думаю, юристы всегда будут нужны. И более того, когда в будущем у нас появится полностью профессиональный состав парламентариев, надо будет обязательно иметь под рукой, в каждом комитете грамотных, профессиональных юристов, потому что законодатели никогда не станут специалистами во всех сферах права. Я лучше разбираюсь в вопросах теории государства и права. Я даже больше политолог, чем юрист. И никогда не берусь судить, если речь идет о семейном праве или земельном. Это такая огромная сфера знаний. И конечно же, необходимо иметь банк данных, чтобы можно было быстро получить нужную справку: в какой стране имеются те или иные законы, что было до этого и т. д. Все нужно делать на профессиональной, научной основе. Юриспруденция — правая рука законодателя. И мы должны обязательно иметь очень сильных юристов.



СОАВТОР «РЕФОРМАЦИИ ГОРБАЧЕВА» (КОРОТКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ О Г.Х. ШАХНАЗАРОВЕ)

Станкевич З.А.¹

DOI: [10.24682/2226-0692-2024-3-7-9](https://doi.org/10.24682/2226-0692-2024-3-7-9)

О человеке с такой явно «восточной» фамилией я даже не слышал вплоть до осени 1986 года, когда стал учиться в аспирантуре одной из двух международных кафедр элитной в то время Академии общественных наук при ЦК КПСС. И это при том, что мы оба работали в одной Системе — просто каждый из нас находился на своей «орбите», которые практически не пересекались: он в ранге заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС отвечал за положение дел в ряде важнейших стран социалистического содружества, включая «проблемную» Польшу, а я скромно «курировал» средства массовой информации республики в отделе пропаганды и агитации ЦК Компартии Латвии.

Но с началом моего обучения в Москве положение стало меняться. По мере того, как я втягивался в новую для себя проблематику международной политики, включая специфику соответствующей деятельности главного руководящего органа партии, имя и особенно труды заметного политического деятеля и учёного на стыке юриспруденции и только ещё зарождающейся советской политической науки, а в недалёком будущем — члена корреспондента Академии наук СССР Георгия Хосроевича Шахназарова стали для меня не только близки и понятны, но и превратились в своего рода ориентир для собственного профессионального роста.

Этому способствовали в основном два важных фактора. Одним из них был царивший тогда (в том числе среди партийных работников моего поколения) дух горбачевской Перестройки, переживавшей в тот период, как представляется, свои лучшие годы, атмосфера необычной для советского времени свободы выбора и потребления информации, включая ту, доступа к которой были лишены не только рядовые граждане, но и большинство людей Системы. Мы, аспиранты — как советские, так и иностранные, об-

учавшиеся вместе с нами, — однозначно связывали эти прогрессивные тенденции и фундаментальные перемены в социально-экономической и политической жизни страны (которые, кстати, позже получат меткое шахназаровское обозначение «реформация Горбачёва») с деятельностью нового Генерального секретаря ЦК КПСС и его ближайших сподвижников, среди которых был и Георгий Хосроевич.

Вторым фактором, заочно (пока ещё!) сблизившим меня с Г.Х. Шахназаровым в интеллектуальном и политическом планах, выступал сам процесс обучения в аспирантуре Академии. Точнее, общение с профессорами и преподавателями нашей кафедры, многие из которых (напр., мой научный руководитель проф. Водолазов Г.Г.) лично знали Георгия Хосроевича, поскольку часто готовили аналитические и справочно-информационные материалы по поручениям Международного отдела ЦК, одним из руководителей которого он был. Так или иначе, они делились опытом этого сотрудничества с нами, и это лишь подогревало наш интерес к данной, в основном закрытой от посторонних глаз, а посему завораживающей сфере деятельности КПСС. Свою важную роль в этом сыграло и наше плотное знакомство с работой известного пражского журнала «Проблемы мира и социализма», который в первые годы Перестройки стал значимой дискуссионной площадкой для обсуждения ключевых проблем, стоящих перед социалистическими странами и их правящими партиями.

Впрочем, была и чисто прагматическая причина моего тогдашнего интереса к личности и деятельности Г.Х. Шахназарова. Она была связана с ним как с одним из зачинателей политологии в Советском Союзе и с возглавляемой им, очень модной в те годы Советской ассоциацией политических наук. Я мечтал стать её членом после завершения учёбы

¹ Станкевич Зигмунд Антонович, доктор юридических наук, в 1990—91 гг. — сотрудник Аппарата Президента СССР. Действительный член (академик) Российской академии социальных наук, г. Москва, Российская Федерация. E-mail: miussy-zs@ya.ru

в аспирантуре и защиты кандидатской диссертации по политическим наукам (для чего, между прочим, добился специального разрешения союзного ВАКа, что было совсем нелегко сделать). Правда, в «перестроечной» суеде и неразберихе конца 80-х из этого ничего не получилось — уже защищённое исследование переквалифицировали с политических наук на исторические, да и членство в Ассоциации осталось всего лишь «голубой мечтой», вскоре исчезнувшей под натиском суровой действительности той, переломной поры.

Местами казалось, что всё уже в прошлом — ведь «колесо истории» на переломе 80-х и 90-х годов минувшего столетия крутилось с такой скоростью, что никто не мог точно предсказать, где он окажется на следующем его «обороте» — наверху, в гуще событий, меняющих жизнеустройство, или внизу, среди тех, кто покорно ожидает вердикта судьбы. Но мне несказанно повезло — я оказался среди тех немногих, кто получил счастливую возможность поработать в команде первого (и, к сожалению, последнего...) Президента СССР М.С. Горбачёва, провести вместе с коллегами-единомышленниками весь тяжелейший для страны период последних двух лет существования Союза, пытаясь добросовестно поправить то, что практически уже было неисправимо. И на этом «треке» я неожиданно для себя, но теперь уже вполне очно и конкретно, столкнулся с помощником, а затем — советником Президента СССР Георгием Хосроевичем Шахназаровым.

Дело в том, что вскоре после учреждения в марте 1990 г. поста Президента СССР и, соответственно, начала формирования Аппарата главы союзного государства, я был «командирован» в новую структуру из аппарата ЦК КПСС в помощь недавно назначенному члену Президентского Совета СССР Григорию Ивановичу Ревенко. Ему Михаил Сергеевич поручил вести, совместно с Г.Х. Шахназаровым, проблематику реформирования Союза, важнейшей составляющей которого была определена разработка и согласование проекта нового Союзного договора. Предстояла очень напряженная, сложная и кропотливая работа, которую предстояло выполнить не только обоим соратникам Президента, но и их крошечным секретариатам, состоящим из нескольких сотрудников.

Работая в этом компактном, но очень профессиональном и дружном коллективе, в который входили, в частности, Юрий Михайлович Батулин, консультант Шахназарова, и Анатолий Александрович Сазонов, советник Ревенко, я стал время от времени встречаться и общаться также с Георгием Хосроевичем. Сегодня, к сожалению, уже отчётливо не помню нашей первой встречи и знакомства (кажется, нас познакомил в своем кремлёвском кабинете Г.И. Ревенко), но обычно это было короткое и очень деловое общение, как правило, связанное с обсуждением того или иного вопроса, входящего в компетенцию нашей группы. Правда, с течением времени, видимо, немно-

го привыкнув ко мне — ещё относительно молодому, 40-летнему сотруднику, — Георгий Хосроевич в общении стал менее официальным, почти отеческим, перешёл на «ты», мог ярко пошутить или слегка «подколоть», а иногда даже дружески похлопать по плечу. Это, естественно, воспринималось как знак расположения и лишь усиливало моё уважение к нему.

Как любой деятель подобного уровня, Г.Х. Шахназаров ощущал себя настоящим мэтром — и не без оснований. Мне кажется, ему доставляло особое удовольствие то, что вокруг него группируются сравнительно молодые люди, которых он может обучить своему «ремеслу» — искусству писать служебные записки и готовить доклады, и которым может хотя бы частично передать свой богатейший опыт. Конечно, в нашей команде по части профессионального «наследования» Георгию Хосроевичу в самом привилегированном положении был его ближайший сотрудник и помощник Юрий Батулин, но и мне иногда выпадала возможность кое-чему научиться. Так, однажды Шахназаров попросил меня подготовить небольшой материал к какому-то очередному докладу или выступлению Президента СССР. Но обусловил задание тем, что вся суть проблемы должна быть изложена на одной странице.

Те, кому приходилось заниматься подобными делами, знают, что чем короче текст, тем сложнее его написать — особенно, когда идёт речь о серьёзных политических либо государственных проблемах. Я это понял сразу, как только принялся за работу. Но очень хотелось достойно выглядеть в глазах мэтра, поэтому я старался как мог. И, кажется, справился. С осознанием этого я и отправился к Георгию Хосроевичу, чтобы вручить ему свое «творение». Внимательно прочитав мою страничку, мэтр улыбнулся и произнёс: «Всё это, конечно, гениально... но вряд ли я это смогу использовать». А затем, увидев моё растерянное выражение лица, дружелюбно добавил: «Да не расстраивайся ты, всё нормально!». На том и расстались. Впрочем, в тексте одной из речей Михаила Сергеевича «парафразу» на свой материал я затем всё-таки обнаружил.

Надо заметить, что подобные «эпизоды» ничуть не омрачали наши с Г.Х. Шахназаровым взаимоотношения. Наоборот, как представляется, они их только укрепляли, и с каждым нашим последующим рабочим или личным контактом я проникался к нему всё большей симпатией, даже определенной гордостью за то, что лично знаю этого неординарного человека и могу работать рядом с ним. Иногда это чувство просто переполняло меня. Так, в частности, произошло в один из сентябрьских дней 1991 года, когда наша команда (в полном составе!) встречалась с представителями российского президента по поводу условий продолжения совместной работы над проектом нового Союзного договора.

Разговор с самого начала не заладился, поскольку ельцинская сторона, на которой «солировали» Сергей Шахрай и Александр Котенков, сходу

избрала агрессивную, развязную манеру ведения диалога. По-видимому, в полной мере ощущая себя «победителями над путчистами» и «спасителями российской демократии», они сходу стали диктовать нам свои условия, причем в достаточно грубой, порой хамской форме. Особенно досталось старшему из нас и, кстати, ветерану войны — Георгию Хосроевичу, который какое-то время терпеливо выслушивал их оскорбительные тирады, а затем жёстко прервал очередного выступающего, твёрдо заявив, что сейчас покинет совещание и больше с этими «делегатами» общаться не будет. Это возымело эффект, привело в чувство не в меру распоясавшихся демократических неофитов и позволило нам нормально продолжить разговор. А я про себя обрадовался, что нахожусь вместе с такими, как Г.Х. Шахназаров и остальные коллеги, на одной, как мне казалось, «на правильной стороне истории».

После отставки Президента СССР в конце декабря 1991 г. и, соответственно, расформирования Аппарата главы союзного государства, наши пути с Георгием Хосроевичем Шахназаровым естественным образом разошлись. Он ушёл в «Горбачев-Фонд», где возглавил Центр глобальных проблем, а я временно вернулся в «родную» Академию, в которой занялся чисто правовой научной проблематикой. Казалось бы, мы никогда уже не пересечемся на почве прежних устремлений и интересов. Однако судьба распорядилась по-иному, дала ещё один шанс.

Во второй половине 90-х, уже работая в секретариате заместителя Председателя Государственной Думы РФ, я неожиданно получил приглашение на научно-практическую конференцию в «Горбачёв-

Фонде», организатором которой выступил Центр во главе с Г.Х. Шахназаровым. Меня это очень заинтересовало, и я решил пойти и даже выступить. Уж больно хотелось также опять повидать бывших коллег, многие из которых по-прежнему работали в Фонде. Встреча, как я и ожидал, получилась тёплой и сердечной. Особенно порадовало то, как меня принял Георгий Хосроевич, который нашел время вполне дружески побеседовать, неспешно расспросить, как жизнь, как дела. А затем за руку подвёл меня к председательствующему на конференции М.С. Горбачёву и радостно сказал: «Смотрите, Михаил Сергеевич, наш Зигмунд тоже пришёл!». Понятно, что такое отношение не забывается.

* * *

Приближающееся 100-летие Георгия Хосроевича Шахназарова является прекрасным поводом для того, чтобы не только вспомнить и достойно оценить этого выдающегося человека, отдать ему должное за то, что он сделал для страны и людей, но и в очередной раз обратиться к эпохе «реформации Горбачёва», ближайшим сподвижником и соратником которого он был, дабы заново переосмыслить её в контексте переживаемого ныне исторического момента. Может быть, именно эта годовщина поможет думающей части общества лучше понять происходящее на наших глазах, глубже осознать «цену Свободы», о которой столь ярко и убедительно писал Георгий Хосроевич в своей первой постперестроечной книге. Нет сомнений в том, что его теоретическое и практическое наследие не может и не должно быть забыто.

